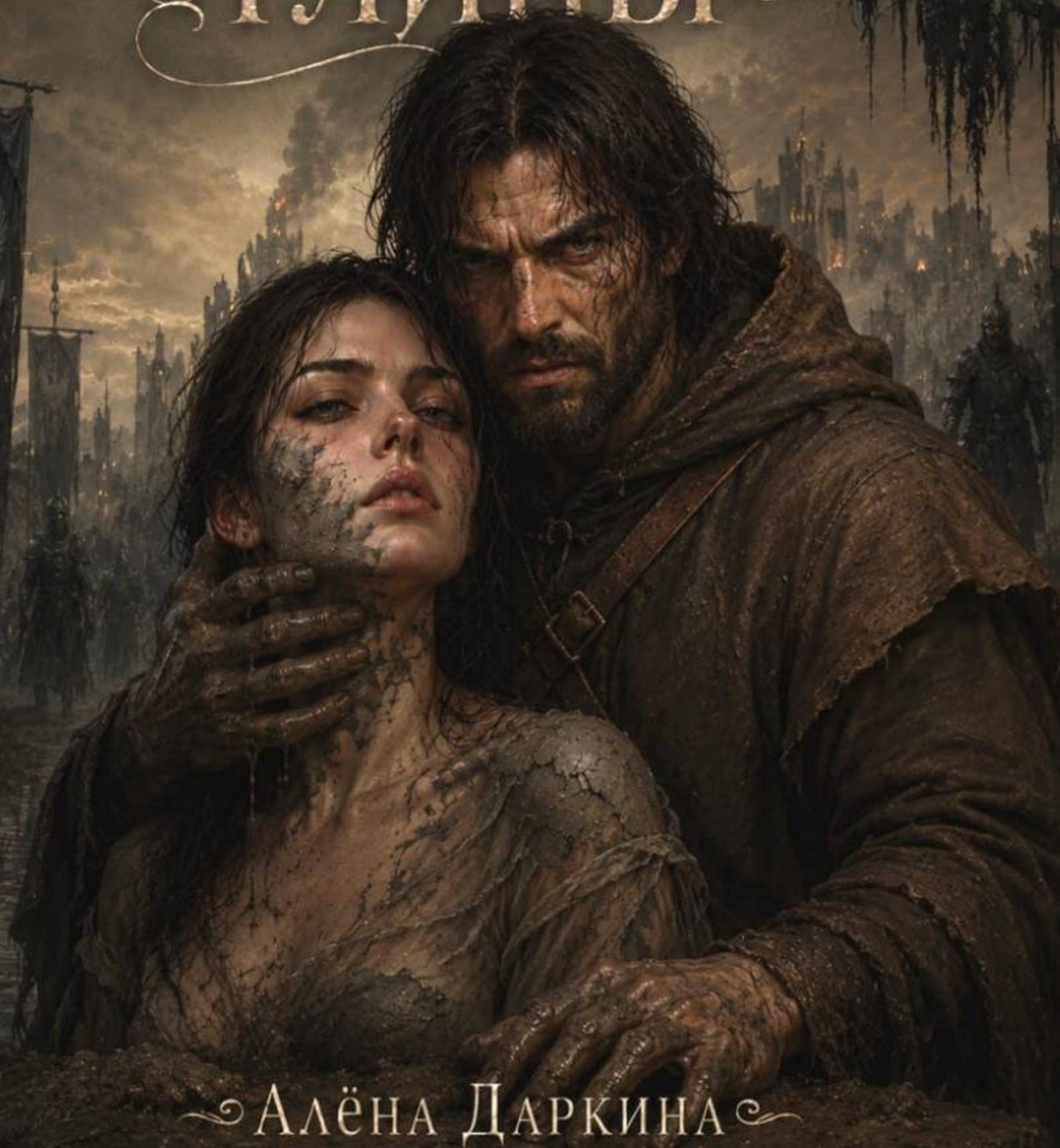

Кусок взбесившейся глины

Алёна Даркина

Алена Даркина

Кусок взбесившейся глины

«Автор»

2025

Даркина А.

Кусок взбесившейся глины / А. Даркина — «Автор», 2025

В мире, где война длится уже несколько лет и стала для знати выгодным ремеслом, бегство — единственный выбор для тех, кто хочет не недостатка, а прекращения боли. Годфри — послушник ордена Силы, выросший в портовых трущобах. Маретта — женщина, лишённая дома, статуса и свободы. Их путь начинается с предательства и ведёт в Вельд — край лесов, болот и туманов. Это роман о границе между человеком и глиной, покорностью и бунтом, жаждой покоя и ценой, которую за него платят. О мире, где бегство не спасает, а доверие превращает тебя в глину под чужими ногами.

© Даркина А., 2025

© Автор, 2025

Алена Даркина

Кусок взбесившейся глины

Кусок взбесившейся глины

Роман

Глава 1. Лошадь

В глазах еще темно, хотя не совсем понятно отчего: от боли? ужаса? отчаяния? ненависти? Выбирай на вкус!

Вкус металла. Железная узда холодит рот и ясно дает понять: не сопротивляйся, хуже будет только тебе. По коже пробегает холодный предутренний ветерок. Чуть ощутимый, неспособный разогнать туман. Боков касается ласковая ладонь, проводит по шее, крупу, уверенно проверяет упряжь, седло.

Молчит. Наверно, пока не в состоянии говорить. После ворожбы ему всегда нужно время, чтобы прийти в себя.

Она различает сначала дрожащее светлое пятно, а потом лепестки огня справа. Костер. В его свете видны фигуры, лежащие на земле в самых разных позах. На первый взгляд крестьяне или ремесленники: штаны и рубахи из грубой темной ткани, накидки, лишь у двух-трех кожаные куртки.

Но у каждого есть оружие. Здесь, на ночлеге, эти люди его не скрывали, хотя обычно кинжалы прятали в складках одежды. Одни мужчины сладко спят, положив под голову мешок, других сон застал внезапно, как будто прямо по пути к небольшому укрытию — ткань натянули между ветвями деревьев, чтобы хоть чуть-чуть уберечься от дождя. У некоторых ноги неловко вывернуты, а руки раскинуты так, будто они неожиданно умерли, а не уснули.

У Годфри не хватило бы сил на смертельную магию, иначе бы они и не попали к разбойникам. Да и для того, чтобы усыпить их надолго у него силенок маловато. Маг что-то привязывает к седлу и вскакивает ей на спину.

Ноги чуть подгибаются. Не потому, что он тяжел, а с непривычки.

— Давай, милая, — голос чуть дрожит. Он слегка сдавливает бока, но она не трогается с места. — Не заставляй меня причинять тебе боль! — голос становится тверже.

Долго уговаривать он явно не собирался. Годфри натягивает удила, рот обжигает болью.

— Скачи! — каблуки на сапогах болезненно бьют в бока.

Она жалобно заржала, и тут же поняла, что ее лишили даже голоса. Единственное, что она могла, — это мчаться вперед. От этого глаза наполнились слезами, и мир вокруг, и так почти неразличимый в укутанной тучами ночи, еще больше расплылся. Она перебирала копытами, ударяя ими во влажную землю. Комья летели во все стороны, били по ногам, животу, бокам. Она надеялась, что и Годфри доставалось.

Не разбирая дороги, она мчалась через лес, внутренне замирая от ужаса, что налетит на дерево, расшибется, и боль будет еще сильнее. Что тогда? Что с ней станет через три дня?

Лесная тропинка прихотливо вилась среди огромных корабельных сосен. Маретта по-прежнему бежала на пределе возможностей. Стоило ей хоть немного снизить темп, как каблуки впивались в бока — Годфри воспринимал это как неповиновение.

Но, кажется, маг точно знал, что делал. Властная рука решительно управлялась с удилами, показывая, куда надо поворачивать, и опасения не оправдались: она ни во что не врезалась, благополучно выбралась на большую дорогу.

Тракт был хорош тем, что ночью на нем ни с кем не столкнешься. Он пуст: по ночам ездили только лихие люди, от которых они сбежали, да те, что выполняли поручения, связанные с войной. Но в Пайнхолте люди жили так, будто войны нет. Немногочисленные инвалиды, выброшенные на обочину жизни, настораживали, но не пугали.

Тракт перемесили сотнями копыт и ног, поэтому бежать по-прежнему было тяжело: грязь липла к ногам. Хотелось остановиться и стряхнуть, но это ничего не изменило бы — буквально через пару шагов копыта снова облепят комья.

Годфри уверенно держался в седле. Кто его только научил? Алларик побеспокоился? Бедный мастер Алларик!

Хотя, если бы не Алларик, и она бы не пережила столько боли и унижения. Так что подделом тебе, старый дурак!

От долгой скачки Маретта начала задыхаться. Годфри крепко держал поводья, не сползал набок и бил точно, чтобы причинить боль, но не травмировать. Но он всё же был плохим наездником: лошади нужно давать отдых, она не может долго скакать на пределе возможностей.

В глазах появились цветные круги. Но Годфри не давал перейти на шаг, приговаривая: — Нельзя останавливаться! Нельзя! За нами гонятся. Слышишь?

Но в ушах шумело от изнеможения, она даже слова Годфри с трудом разбирала, не то что какие-то другие звуки. В голове всё плыло. Она закричала, надрывая горло, но крик получился такой же беззвучный. У нее чуть сердце не разорвалось от отчаяния.

А Годфри уже снова рвал рот удилами, принуждая свернуть в лес. Она ступила под сень деревьев и тут же споткнулась. От резкого перехода с галопа на шаг ее бросило в жар и пошатнуло. Вновь боль во рту и металлический привкус.

— Надо спрятаться! — шептал Годфри. — Давай еще немного, потом отдохнешь.

Во всем теле дрожь. Она начала прихрамывать, но тут же выровняла шаг. В глубине леса темнее, чем на тропе, поэтому она не видела, куда ступала. Копыта проваливались в мягкую землю по щиколотку.

Он что, ведет ее в болото? Снова беззвучное ржание, она упрямится, пытается сбросить седока.

На этот раз Годфри хватило ума не добивать ее. Простенькое заклинание, и перед носом повис блуждающий огонек. Света не дал, только указал безопасную дорогу, чтобы в болоте не утонуть. Такие магические огни еще называли путеводными.

И всё же копыта по-прежнему вязли в жидкой тягучей топи. Мир словно лишился опоры, она вот-вот потеряет равновесие и рухнет. Идти с каждым шагом всё тяжелее. В душе росли сомнения: правильно ли он наворочил? Что он вообще задумал?

Годфри поспешно объяснил:

— У них сменные лошади. А ты уже устала. Надо переждать. Уйти чуть глубже, чтобы не заметили, не услышали с тракта.

Но они шли будто целую вечность. Она замерла, прислонясь к ближайшему дереву, а Годфри опять погнался:

— Давай! Давай еще, милая! Еще чуть-чуть.

Наконец, видимо, отчаявшись, положил ладонь на голову:

— Ложись! Ложись!

Это очень нелегко — лечь в жидкую холодную грязь вместе с всадником, но выбора нет. Уже давно нет. Ледяная влага обдала бедра, живот, вызывая почти судорогу во всем теле. Она хватала ртом воздух.

Вскрикнула:

— *Вода ледяная!*

Но старая ведьма, которую к ней прислали вместо Бетти, даже ухом не повела, стала с такой силой тереть ее руки мочалкой, словно хотела содрать кожу.

Маретта отбивалась:

— *Не надо! Уйди! Не надо!*

Но та продолжала, бурча под нос:

— *Ничего... Ничего...*

— Я сама! — вопила Маретта.

— Как сама? — старуха вылила на нее еще ковши ледяной воды, но теперь это было даже приятно — кожа горела, как обожженная. — Господже не положено самой купаться, — противным дребезжающим голосом говорила старуха. — Вы же у нас господжа!

Маретта заплакала бессильными злыми слезами, а потом наплевала на все правила. Пусть эта старуха и те, кто послал ее, говорят, что хотят. Она не будет терпеть боль, да еще от служанки. Ударила кулаком в плечо, замахнулась ногой, но старуха отпрыгнула. Маретта схватила ковши и, держа его в вытянутой руке, размахивала им, целясь служанке в голову.

— Уйди, я сама!

Вспышка ярости напугала старуху, и она выскочила за дверь. Маретта пробежала босыми ногами по холодному каменному полу, оставляя мокрые следы. Слегка обтерлась грубой льняной тканью и натянула нижнюю рубашку, от холода стуча зубами. Полностью одевшись, она укуталась с головой в шерстяное покрывало и сжалась в комочек на кровати. Ее всё еще сотрясала дрожь. Удастся ли вообще согреться этой ночью?

Теперь не осталось сомнений: Эдита ей мстила. Поначалу Маретта думала, что ей померещилось, будто жена сэра Томаса Хардли ее ненавидит. Женищина всего лишь перестала смотреть в глаза и разговаривать. Но сегодня ее ни разу не пригласили к столу, принесли еду в комнату. И что это была за еда! Конечно, в небольшом замке Леру, где она жила с мужем почти два года, тоже изысканных блюд не подавали. Но то, что принесли на обед сегодня, походило на вчерашние объедки: куски засохшего пирога, прокисшее вино... Маретта ела и плакала. Чувствовала себя униженной, но ела, потому что желудок сводило от голода.

Мысли скакнули к Изо. Ей единственной, кроме Аньес, посчастливилось побывать в Лютеции у Жюффра: родители надеялись выгодно выдать ее замуж. Отец для этой поездки последние монеты выгреб, чтобы не стыдно было дочь показать. Но траты оказались напрасными. Аньес, как обычно, сделала вид, что они не сестры, а наряды, которые в замке де Монфор считали лучшими, во дворце выглядели смешно и жалко.

Единственное приятное воспоминание, которое привезла Изо, — это столы, где было так много еды, что, сколько бы гости ни ели, она не заканчивалась. Сестра рассказывала об этом бесконечно, а они с Колеттой слушали, затаив дыхание, пытаясь вообразить это великолепие.

— А потом подали марципан, вылепленный в виде лилии и пахнувший розовой водой...

— Что еще за марципан? — перебила Маретта, распахивая серые глаза.

— Не мешай, Заноза, — Изо щелкнула ее по носу. — Что у тебя за манеры? Тебя вообще за стол бы не пустили! Де Монфор не может себя так вести! Я всё расскажу. Молчи и слушай.

Маретта обиженно засопела, но умолкла.

— Я отломил белый лепесток и положила его в рот... М-м-м-м, — Изо мечтательно закатила глаза. — Это так вкусно! Я даже не знаю, как это описать...

— Как хлеб с медом? — не выдержала Маретта.

На этот раз ее толкнула локтем в бок Колетта, а Изо заливисто расхохоталась:

— Скажешь тоже! Молчала бы уж, Заноза.

Ее всегда звали так, потому что мама говорила: она всегда торчит. Папа тоже смотрел сурово: избаловали младшенькую, много себе позволяла. Маретта хотела стать такой утонченной, как мама и Изо. Она правда старалась, но... Заноза — Заноза и есть.

— Это намного вкуснее, чем хлеб с медом! — решительно заявила Изо. — Сладость ореха смешивается на языке с едва уловимым цветочным холодком, будто в нем тень лепестков...

Кажется, она задремала, потому что скрип двери прозвучал так пронзительно, что Маретта вздрогнула. В комнату стремительно вошла Эдита, остановилась, сложила руки перед собой, как подобает леди. Бордовое шерстяное платье мягко облегло идеальную фигуру — маленькую округлую грудь и пышные бедра. Тканый пояс с золотой нитью еще больше подчеркивал, что эту женщину Господь создал специально, чтобы она подарила супругу наследников.

И она выполнила свой долг: старший сын уже оруженосец сюзерена, а средний — его паж. Только младший пока в замке с матерью. Всем этим Эдита поделилась, когда еще оказывала расположение пленнице. Упоминание об умершей дочери, промелькнуло затаенной грустью в глазах, и тут же сменилось безупречным спокойствием, которое должна хранить знатная дама. Она гордилась сыновьями, и это было справедливо. Мог ли сэр Томас Хардли мечтать о лучшей жене? Эдита красива, плодовита, умна, ее манеры вызывали восхищение.

Будет ли Маретта когда-нибудь так хороша, как она? Если ее будут кормить как сегодня, то вряд ли. А вот уменью вести себя достойно она обязана научиться! Все-таки ей уже восемнадцать, Занозы давно нет, она замужняя женщина, Маретта Леру.

Нет, она вдова и пленница. Если брат не найдет выкуп, чтобы выволить ее, что ее ожидает? На глаза навернулись слезы.

Между тем Эдита, выдержав долгую паузу и пронзив Маретту взглядом карих глаз, раньше бывших такими теплыми, спросила:

— Что я слышу? — голос спокойный, негромкий. — Ты ударила служанку?

Ударил. Маретта залилась слезами, ничего не отвечая. Ударил. Она никак не научится быть такой величавой и спокойной, как Эдита. За это Господь ее и наказывает.

Но почему Эдита злилась на нее, а не на мужа? Ведь это несправедливо! Разве Маретта виновата, что сэр Томас Хардли, прочитав уклончивый ответ Жоффруа де Монфора, решил, что пленница скрасит его досуг? Разве Маретта заигрывала с ним? Подавала знаки? В чем она виновата, что сэр Томас Хардли не ценил сокровище, которое ему досталось, и унижал жену, делая намеки Маретте чуть ли не на глазах у супруги?

Пленница так и не произнесла ни слова, но, кажется, плакала настолько горько и искренно, что Эдита смягчилась.

— Если твой брат не найдет денег на выкуп, я подберу тебе достойного супруга из английских рыцарей, — льдинки в голосе растаяли. — Надеюсь, у тебя хватит ума не противиться.

Маретта только кивнула, вытирая глаза. Что еще оставалось? Лучше так, чем стать любовницей сэра Томаса Хардли и терпеть ненависть его жены...

Боль в боках от удара и тут же ласковый шепот:

— Вставай! Нужно идти дальше. Они проехали. Выйдем на другую дорогу. Следуй за огоньком.

С трудом поднявшись на дрожащие ноги, она побрела вперед, уже ничего не соображая, кроме того, что ноги нужно переставлять. Одну за другой. Одну за другой. Снова и снова. Снова и снова. Не сводя глаз с голубоватого огонька.

Рука потрепала холку, Годфри приговаривал:

— Потерпи еще немного. Когда доберемся до города, передохнем. Там безопасно. Здесь лучше не останавливаться.

От этой ласки накатила такая лютая ненависть, что, если бы она могла, оттапала бы эту руку по самый локоть. Если бы она могла, сплясала бы тяжелыми копытами на его теле, тщательно переламывая каждую косточку. Сделала бы это так искусно, чтобы Годфри каждой частичкой прочувствовал то, что пережила она. А напоследок разбила бы и голову, чтобы уничтожить, стереть с лица земли это чудовище.

Но всё, что она могла, это переставлять копыта по влажной земле. Спотыкаться, брести дальше в темноте, думая лишь о том, что она не остановит этот кошмар. Маретта уже перепробовала всё...

Путь за блуждающим огоньком казался бесконечным. Думаешь, что это последний шаг, что больше не сделаешь ни одного движения, упадешь в грязь и больше не встанешь, захлебнешься в жиже. А потом продолжаешь передвигать ноги, одну за другой.

Сознание померкло, и вновь она пришла в себя, когда ласковая рука погладила гриву. Голос Годфри спокойный, уверенный:

— Ты умница. Мы справились. Теперь будет полегче, но нам всё еще надо добраться до города. Только там мы будем в безопасности.

«Ты будешь в безопасности», — думала она, но гнева и ненависти больше нет, темная волна схлынула, оставляя в душе сухой песок, горячий и безжизненный.

Она уже не чувствовала себя усталой, сломленной. Она вообще себя не ощущала.

Она телега, колеса которой вертятся бесконечно, пока не сломается что-нибудь, не отвалится. Тогда ее ремонтируют, и она снова везет. Срок службы заканчивается в крестьянском очаге.

Возможно. Она никогда не задумывалась, куда девались старые телеги.

Идти было легче: опять на пути не было деревьев, небо из черного стало темно-серым, но до рассвета еще несколько часов. Раньше никто их в город не пустит. Это значит, что до отдыха тоже несколько часов.

Но больше не бьют в бока, не рвут удила рот. Можно брести в беспамятстве.

Наверно, она задремала, потому что очнулась, когда копыта стукнули о твердое покрытие, а не погрузились в чавкающую грязь — город вымостил дорогу перед воротами.

Восходящее солнце подсветило облака и туман, придавая им жемчужный оттенок. Но еще очень рано, перед воротами только несколько крестьянских телег. Годфри поехал вперед. Люди еле слышно бурчали, но возражать громко не осмеливались. Пусть и не рыцарь, но не каждый день на улице встретишь послушника ордена Силы. У него мог быть знатный покровитель, который отомстит за проявление неуважения к своему магу. А может и сам послушник превратить обидчика в хряка — никто ему не возразит, разве что деньги господин граф заплатит за потерю работника.

Годфри бросил монету стражнику, не сходя с лошади. Как только они попали в город, снова погладил ей шею и повторил:

— Осталось немного. Здесь есть хороший постоялый двор. Там чисто, тепло. Отдохнем день и отправимся дальше.

Она передернула плечами: в душе поднималось раздражение.

— Ну-ну, — увещающе произнес Годфри. — Нам надо было бежать. Почему ты так упрямилась? Признай уже, что я был прав.

В ответ она зло фыркнула. Голос вернулся к ней — магия развеялась, но невероятная усталость душила так, будто горло затянула петля.

Очень скоро Годфри свернул сначала на узкую улочку. Сюда почти не выходило окон, зато ноги снова погрузились в грязь, на этот раз еще и вонючую. Она вздрогнула всем телом, а Годфри потянулся и погладил между ушей. Она сразу опустила голову.

— Чуть-чуть, — в очередной раз повторил Годфри, — скоро я тебя помою.

Эти слова вызвали приступ очередной дрожи.

Наконец он спрыгнул у одной из дверей и постучал: три раза быстро два с паузой, а потом еще четыре быстро. Маленькое окошко в двери открыли почти сразу, а следом загремели засовы, и калитка распахнулась.

— Доброе утро, брат Годфри!

Это был постоянный двор для служителей церкви, монахов и послушников. Служка открыл не самую маленькую дверь, в которую мог пройти только человек, а побольше, куда легко въезжал всадник. Кареты подъезжали с парадного входа, выходящего на широкую улицу. Их впустил мальчик — даже пушка на бороде не появилось. Он ухватился за повод, но Годфри кивком поблагодарил его и отпустил:

— Я сам позабочусь о лошади.

Почему-то эти слова вернули ей силы. На этот раз по телу прокатилась дрожь от предвкушения.

Когда Годфри завел ее в стойло, служка принес воды в ведре и тут же исчез. Ее мучитель достал крюк и объяснил:

— Пока грязь на теле подсохнет, почищу тебе копыта. Давай ногу.

Она дала. Но Годфри оказался проворней. Он явно ожидал чего-то подобного, поэтому, прежде чем копыто пробило ему висок, он отпрыгнул и постоял, тяжело дыша. Испугался, мерзавец!

Как же жалко, что не достала. Теперь он будет еще осторожней. Эх, надо было подождать, пока он расслабится, доверится ей. Надо было поступить с Годфри так, как он сам поступил с ней!

— Ты абсолютно не умеешь ценить хорошего отношения, — процедил сквозь зубы послушник. — Надо было отдать тебя на забаву разбойникам. Надо было оставить тебя им и бежать одному. Я хотел почистить тебя, чтобы другой мужчина к тебе не прикасался, но, кажется, я тебя недооценил. Тебе нравится, когда тебя трогают, да? В таком случае — как знаешь!

Годфри направился к выходу из стойла, но она перегородила дорогу и оскалилась: пусть попробует выйти! Пусть позовет на помощь кого-нибудь или переночует здесь, вместе с ней. Может, кто-то задумается, почему лошадь так агрессивна с ним? Может, кому-то придет в голову мысль, что он обычный вор?

Но она забыла, что Годфри не обычный вор. Он маг. Подойдя ближе, он выбросил вперед руку, и глаза обожгло болью. Она закричала во весь голос, заметалась по стойлу, мотая головой из стороны в сторону, словно пытаясь сбросить с морды колючие шипы.

Даже и теперь она надеялась, что хоть как-то его зацепит. Однако голос Годфри раздался уже у выхода из конюшни:

— Что-то она сильно разволновалась, не дает себя осмотреть. Лучше не подходи к ней, а то зашибет.

Всё это послушник произносил, явно рассчитывая, что она услышит его слова, полные яда.

На нее навалилась невыносимая тяжесть. Ноги подогнулись, и она еле нашла в себе силы, чтобы не упасть на пол, а медленно опуститься на дрожащих ногах. Из глаз текли слезы.

Служка не послушал Годфри, и едва тот скрылся, заглянул к ней. Внимательно оглядел, потом спросил ласково:

— Ты чего? Болит что-нибудь? Давай посмотрю. Седло, наверно, спину натерло.

Голос его был умиротворяющим, усыпляющим. Умелые руки освобождали от упряжи, и она не сопротивлялась. Не потому, что верила мальчику. Она больше никому не верила.

Просто если не позволить ему, будет еще хуже. Пусть делает, всё что нужно: и чистит, и грязь из копыт выбирает. Пусть. Она уже давно себе не принадлежит. И вряд ли когда-нибудь ее жизнь изменится к лучшему.

Глава 2. Обьедок

Каждое утро начинается одинаково. Сначала желудок скручивает от боли. Затем рукам возвращается ощущение холода — жалкая дерюжка уже светится и дает очень мало тепла. Если

отец пьян, удастся лечь поближе к очагу. Чаще всего он пьян, поэтому примерно половину ночи он спит в тепле, а затем тело поочередно терзают холод и голод.

Годфри растирает руки, чтобы немного согреться. Верное средство. Мама всегда так делала утром. Сначала ему, потом себе. Он не помнит ее лица, ее голос. Даже цвет волос не помнит. А вот руки, растирающие его до тех пор, пока он не станет горячим, помнит очень хорошо. И слова:

— Сейчас, сейчас, Годфри. Сейчас согреемся так, что жарко будет...

Пока он трет себя, нос уже чувствует запах рыбы. Этот запах повсюду в городе, но в жилищах бедноты он особенно отвратителен. Слюнки от него не потекут, скорее наизнанку вывернет, потому что пахнет смесью свежей, тухлой и соленой рыбы, к этому запаху примешивается запах водорослей. Иногда Годфри кажется, что он, как собака, может последовать за каждым запахом: у соседей варили похлебку, чуть дальше разбогатели — купили рыбу покрупнее и жарили ее над очагом. Запах почти приятный. А еще дальше, в Верхнем городе, булочник открыл лавку и предлагает за грош аппетитный хрустящий ломоть. Только где взять тот грош? Ему и за неделю такое богатство не заработать. Больше тычки да оплеухи получает.

Отец пьяно ворочается на лавке, и Годфри торопится выскользнуть из дома. С утра папаша всегда злой, дерется почему зря, требует еще выпивки. А где же ее взять? Вот к вечеру он вернется добрый. Днем иногда выпивает в долг, иногда довольствуется водой из чайника. Затем отправляется в порт, разгружает какой-нибудь корабль. А получив за работу пару монет, снова пьянствует. И тогда уже он забывает про Годфри, да и вообще мало что видит.

Когда Годфри вырастет, он тоже будет работать, как папа, и тогда обязательно купит ломоть у булочника. А может даже два!

А пока...

— Эй, Обьедок! Хочешь миску супа?

От этого хриплого голоса он останавливается как вкопанный и возвращается назад. Мама звала его Годфри, все остальные, даже отец, если они вдруг встречаются, — Обьедком. Наверно, это что-то забавное. Они выкрикивают его имя и хохочут. Он тоже смеется, хотя уже закрадывается мысль, что смеяться тут не над чем. Но он пока не очень понимает, что не так.

Годфри с готовностью подбегает к Лиз. У нее всклокоченные рыжие волосы, огромные глаза и красные губы с чуть размазанной губной помадой. А еще у женщины всегда грудь наружу. Ему кажется, это очень холодно, даже несмотря на лето. У него всё закрыто и то ветер пробирает иногда, а Лиз, только когда с неба сыплется белая крупа, накинёт на плечи что-то такое же яркое, как вся она. Чаще терпит, так что кожа синеет.

Лиз наклоняется к нему, неожиданно оглушительно кашляет и шмыгает носом, затем заявляет:

— Сгоняй к Джону Крысе, скажи, пусть приходит ко мне с деньгами, если не хочет, чтобы я представление устроила у него под окнами на радость его беременной жене. Понял меня?

Годфри кивает, хотя берет сомнение. Крыса может и избить, если поймает. Этот грузчик таких визитов не любит. Но желудок вновь скручивает от голода, и мальчишка мчится к нужному дому, надеясь на маленький рост и проворство.

Поручение исполнено почти идеально: Джон Крыса все-таки стукнул по уху, но лишь вскользь. Спасибо не схватил за вихры, а то бы больше досталось.

— Передал, — отчитывается Годфри, переводя дух после пробежки и потирая опухшее ухо.

— Что сказал? — хмурится Лиз, уперев руку в бок.

— Ничего. Драться полез.

Женщина разочарованно фыркает и уходит в дом. Возвращается с миской холодной жижи, в которой на дне плавает маленький сухарик и скелет рыбки. Годфри тяжело вздыхает и кланяется:

— Благодарю, мадам.

Лиз снова фыркает, на этот раз насмешливо:

— Не подлизывайся, всё равно больше не дам, у самой нет. Стала бы я тебя к Крысе посылать!

Годфри еще раз кланяется и садится на корточки, прислонившись к стене. Деревянный настил — доски, брошенные в грязь, чтобы хоть немного облегчить хождение по улице, — тоже грязный. Сядешь на него — одежда намокнет. До вечера, пока не ляжешь возле очага, не просохнет. Далеко уходить нельзя — миску могут отобрать или сам разобьешь случайно. Тогда к Лиз на глаза можно больше не показываться.

По правде говоря, он рассчитывал, что похлебка будет хотя бы пахнуть рыбой и что она будет теплой. Но спорить и возражать нельзя. Не ему. Будет только хуже, придется еще и боль от побоев терпеть. Поэтому в глаза — благодарность и поклоны. Мадам — женщины в портовых кварталах любят, когда их так называют.

А вот если никто не видит, можно и украсть что-нибудь. Только народ здесь ушлый, за своим добром следит в четыре глаза, так что приходится очень стараться, чтобы добыть еду.

Годфри выуживает сначала рыбы кости и тщательно их обсасывает, надеясь, что где-то на них затерялся волосок мяса. На мгновение даже чудится вкус рыбного бульона. Бросив кости рядом с собой, берет пальцами корку хлеба, кладет в рот и медленно жует. Этому тоже быстро учишься: если в безопасности — ешь медленно, тогда живот хоть ненадолго перестает болеть. Рядом с Лиз безопасно. Надолго не удержишься — прогонит. Но пока ешь, в обиду не даст.

Если рядом те, кто может отобрать добычу, — запихивай всё в рот и быстрее глотай. Здесь битва идет за каждую крошку, каждый кусок хлеба.

Наконец корка заканчивается, Лиз сдвигает брови. Он в два глотка выпивает воду, в которой лежала корка, вылизывает дно языком и с поклоном возвращает миску Лиз.

Теперь к старому Бену. Он торгует рыбой, тоже может дать еду, если поможешь чем-нибудь. Не хлеб, конечно, но кусок вчерашней рыбы или хотя бы похлебку.

У Бена просить бесполезно. Здесь помогает только терпеливое ожидание. Становишься в пяти шагах и тянешь шею. Бен замечает всё, впрочем, как и любой обитатель Нижнего города, но предпочитает делать вид, что Годфри здесь нет. Однажды Обьедок простоял так до заката и отправился домой голодным. Но тогда он был младше и не знал, где еще пожить, а отец был дома — палец на ноге загноился. Так что выбора особо не было. Сегодня после похлебки Лиз, он может постоять пару часиков. Если Бен не позовет, пойдет дальше.

Но ему везет.

— Эй, Обьедок, раскидай рыбу из корзины: мелкую в одну сторону, большую в другую. Шустрей!

Он много не объясняет, потому что Годфри уже не раз это делал. Работа непростая: рыба выskalзывает из рук, нужно держать ее изо всех сил, от этого потом болят ногти, от плавников появляются раны на руках, которые долго не заживают. Но это лучше, чем чистить котлы или убирать мусор.

Годфри работает несколько часов. Рыба как будто не заканчивается, ее словно подбрасывают обратно в корзину, едва он отворачивается. Пальцы, спина, ноги ноют. В глазах серебристые круги, будто их запорошило чешуей. Но останавливаться нельзя. Если сейчас дашь себе отдых, уже не найдешь силы продолжить. Надо пересилить себя, продолжать работать, не думая об усталости, о рыбе. Просто берешь гибкое тельце, скользишь по нему пальцами, чтобы точно определить размер, и кидаешь — налево, направо.

— Что понадобилось уважаемым господам в доме старого лавочника?

Годфри слышит напряженные интонации в голосе Бена и настораживается. Вытягивает шею: что там происходит?

Городская стража, а никакие не господа. Старый Бен явно пытается к ним подольститься. Не настоящие воины — лат и шлемов нет, алебарда только у одного, у другого дубинка, — но всё же власть. Годфри еще не очень хорошо понимает, зачем они пришли, но интонации легкого раздражения обитатели припортового квартала считают налету. Эти люди могут причинить неприятности лавочнику, а значит, и ему, Годфри.

Он не ошибся. Разговор начался напряженно, а закончился на повышенных тонах. Бен ругался, рыдал, спорил, но, в конце концов, сделал то, чего от него хотели.

Годфри догадывается об этом, потому что стражники уходят, а Бен оглашает улицу страшными ругательствами. Обедок пока не понимает и половины сказанного, но, судя по тому, как хохочет тетка, выглянувшая из окна противоположного дома, Бен кричит что-то забавное.

Рыба в большой корзине кончается, и Годфри подходит к лавочнику, чтобы получить обещанную еду. Но тот в сердцах хватается за прилавка селедку за хвост и бьет ею наотмашь по лицу. Обедок вскрикивает и бросается прочь, а вслед несется всё та же брань.

Бен не будет его догонять — на кого он лавку бросит? Поэтому Годфри останавливается и со слезами на глазах смотрит на старика.

Очень обидно, но ничего необычного не произошло. Бена разозлили, Обедок попался под руку. Так бывает. Ничего не докажешь и не объяснишь. Лучше идти дальше, иначе можно навсегда поссориться с лавочником, а он все-таки дает еду гораздо чаще, чем обманывает. Годфри всхлипывает, осторожно трогает горящее лицо, на котором плавники селедки оставили царапины, вытирает рукавом сопли и бредет дальше.

Проходя мимо одного из домов, Годфри слышит пронзительный детский визг. Его невольно тянет к дверному проему. В полумраке комнаты он видит корыто, в котором стоит голенький ребенок, а женщина в чепце, поливает его водой, смывая пену и приговаривая:

— Ну, ну, Нед, сейчас глазки не будет щипать, потерпи.

Обедок не может объяснить, почему ноги внезапно отнимаются, почему в груди так больно. Он смотрит на эту сцену, распахнув глаза и рот, не в силах пошевелиться.

Но тут женщина замечает его и охает:

— Чего уставился, чертово отродье! А ну иди отсюда, — она бросает ковш, хватается метлу и идет к Годфри, намереваясь стукнуть.

Наваждение уходит, Обедок мчится по улице, не дожидаясь, пока его изобьют в третий раз за день. Он бежит, а слезы катятся по щекам, и Годфри не понимает, почему они текут. Он ведь успел, удрал. Его не побили. Ничего ведь не произошло!

Добежав до рынка, он на несколько мгновений замирает в тупике, восстанавливая дыхание и еще раз вспоминая то, что видел. В груди снова больно, и он быстро трет ее, а потом встряхивается. Надо думать, как добыть еду, а это мешает. Значит, выбросить из головы.

На рынке шумно, многолюдно, и кажется, что легко найти то, что случайно укатилось — яблоко, или хотя бы луковицу, или то, что другие выбросили, потому что наелись. Но ничего простого в его мире нет. Таких, как Годфри, тут что веток в метелке, и большинство из них старше, а значит, хитрее, сильнее, изворотливее. Они знают, кого и как толкнуть, чтобы подхватить выпавшее из рук, куда бежать, где прятаться. Обедок еще не свой, его, спасаясь бегством, толкнут на расправу. Такое уже было. И всё же он проходит по рынку. Его тут же замечают, показывают кулак. Нет, драться сегодня он не в состоянии. Остается только одно.

Нырять в узкую улочку, выходит на задние дворы. Там канава, куда выбрасывают помои. Может, там удастся найти что-нибудь? В нос шибает вонь — смесь запаха рыбы, испражнений и гнили. Но Годфри прыгает вниз — сверху ничего не разглядишь, надо хорошенько поковыряться, если хочешь найти съестное. Он бредет по щиколотку в грязной реке и старательно высматривает, переворачивает руками мусор. Пару раз ему достаются почти обглоданные кости. И в голове всплывает: «Обедок». Вот, наверно, почему его так зовут...

Рядом раздается громкое хрюканье. Годфри испуганно поднимает глаза — прямо на него надвигается огромная грязная свинья, раза в четыре больше его. Он испуганно вскрикивает, выскакивает на мостовую и бросается бежать к узкому проулку, по которому попал сюда. Успев скрыться в щели, оборачивается и видит, как хряк косит на него взглядом, но пролезть не может. И здесь еду отняли. Годфри вздыхает и идет обратно.

Солнце садится, когда он подбирается к дому. Надо узнать, там ли отец и какое у него настроение, прежде чем возвращаться. Но, проходя мимо соседской двери, его внезапно осеняет — там лежит Чарли. Он старше даже старого Бена, до недавнего времени еще работал грузчиком с отцом, но недавно сорвал спину и теперь только лежит. Соседи его не бросают, приносят еды раз в день, поят, иногда моют. Вдруг он съел не всё? Он не догонит...

От этой мысли даже страшно становится. У детей в портовом квартале крадут все, у стариков никогда. Но он так голоден, что ноги, несмотря на ужас, сами несут его в темную комнату. Здесь тоже стоит крепкий запах пота и мочи. Чарли спит на полу под грязным покрывалом. Рядом с ним миска, а в ней... кусок вареной селедки, по которому ползает огромная муха.

Не дыша Годфри приближается к заветной цели. Протягивает руку. Как сильно дрожат пальцы. Чарли не заметит. Он спит! Эта мысль подстегивает мальчишку, он быстро хватается кусок рыбы, но задевает край миски, и она жалобно звякает, стучит по полу. Старик открывает глаза и пытается поймать вора, но тут уж Обьедок оказывается проворней. Вслед ему звучит жалобное:

— Что ж ты делаешь... — в голосе слышатся слезы. — Разве можно? Украсть у старика — вечное проклятие!

Годфри замирает на пороге. После недолго колебания быстро отламывает кусок рыбы, кидает в миску и убегает, уже не оглядываясь. К воде. Там есть укромное местечко, где можно спрятаться от всех и поесть.

Он сидит возле деревянной сваи, смотрит на плещущие волны, окрашенные алым закатом. Все правила улицы забываются в этот миг. Он не смакует, он глотает, почти не жуя, ожидая возмездия. Сейчас ударит гром с неба и убьет его на месте, и он не успеет даже съесть то, что украл.

Рыба заканчивается за два вдоха. Какое-то время он еще сосет кости, пробует осторожно и медленно жевать их тоже. Это оказывается не так сложно. Главное, не торопиться, откусывать маленькими кусочками.

Солнце тонет в море, и волны становятся смолисто-черными. Прохладный ветер задувает под дырявую одежку. Годфри обнимает себя за плечи и остается сидеть. Отец наверняка уже храпит, но, если Чарли скажет, что Обьедок украл у него еду, грузчик подкараулит и убьет мальчишку. А если не отец, то другие соседи. Годфри сделал то, что нельзя делать. Только не у старика. Вечное проклятие.

А может, больше не ходить домой?

А может, нырнуть в воду и плыть, пока хватит сил?

Эти мысли вспыхивают в голове почти одновременно. Затем Годфри поднимается и плетется по улице. Может быть, отец уже спит и сегодня не убьет. А завтра Обьедок проснется пораньше и сбежит. Не каждый же день такой неудачный.

Глава 3. Безопасность

На постоялом дворе она пробыла весь день и всю ночь. Годфри не появлялся, но мальчишка заботился о ней хорошо. Служка решил, будто послушник ордена Силы очень жестокий хозяин, именно поэтому лошадь не желала его слушаться и норовила ударить копытом.

Если смотреть правде в глаза, Годфри обращался с лошадью не хуже и не лучше любого другого человека. Даже у самого доброго наездника бывали случаи, когда он не считался с усталостью лошади, спасая свою жизнь. В этом не было ничего ужасного. Каждый выживал как мог.

Намного ужаснее то, что так обращались и с людьми. И никто не считал это неправильным. Действовал тот же принцип: каждый выживал как мог. Аристократы, даже самые маленькие, чуть более защищены. Именно поэтому она так бунтовала. Годфри обманул ее, и теперь она скиталась по Пайнхолту, недоедая, недосыпая, мокла под дождем и спасалась бегством от разбойников. Может, ее жизнь и не была безоблачной, но уж такую адскую боль она точно не испытывала. Однако послушник ордена Силы не признавал своей вины, обвинял ее в неблагодарности. А она пошла на такое страшное унижение, чтобы уберечь себя от боли! Но ничего не помогло. Годфри казался добрым и сочувствующим, где-то даже нежным, но лишь до тех пор, пока не чуял выгоду. Тогда ему уже были безразличны любые ее просьбы и собственные обещания.

И исхода не было.

За день и ночь, что она провела в стойле, она нисколько не отдохнула. Всё время была напряжена, мучительно решая вопрос: что дальше? Убить себя? Это страшный грех. Она не избавится от боли таким образом. Ведь в аду грешников мучили еще страшнее. Пытаясь убежать от одних страданий, она попадет в другие. Нет, это не выход.

Смириться? Всё в ней возмущалось при мысли об этом. Если она смирится, значит, этот лжец, вор и предатель победил. Он будет гордиться тем, что поступил правильно, ведь это приведет его к успеху. Нет, этого не будет.

Битва! Пусть злится, но помнит, кто такая урожденная де Монфор. Всегда помнит.

Но ведь это значило, что опять придет боль. Она сникла. Годфри будет мстить, будет смирять. Он больше не будет уговаривать. Значит...

Надо быть хитрее! Узнать о его планах, дожидаться, когда он успокоится, и сбежать. Не противиться ему, чтобы он больше не бил, не издевался, но ждать возможности обрести свободу. У нее получится! Она де Монфор. Она Леру.

Изо подносит к ней небольшое бронзовое зеркало. Маретта различает свое лицо, но не слишком хорошо. Пожалуй, посмотреть в чашу с водой и то было бы полезней. Она с сомнением всматривается в изображение, но сестра уже убирает зеркало.

— Хватит уже! Ты хорошенькая, этому Леру очень повезло.

— А ты его видела, Изо? — она хватается сестру за руку. — Какой он?

— Ничего особенного. Моего Шарля помнишь? — видимо, на лице Маретты отражается разочарование, потому что сестра торопливо добавляет: — Пьер не такой старый, ему всего восемнадцать. Но он хороший воин. Чуть ниже моего Шарля, но плечами, статью — очень похож. И скажу тебе по секрету, хорошенькое личико для мужчины совсем не главное.

— А что главное? — тут же требует Заноза.

— Только не говори, что ни разу не видела, как это делают собаки на псарне, — лицо Маретты вытягивается от изумления. — У тебя всё будет немного не так. Священники накладывают епитимью за такую позу. Так что лежать ты будешь на спине. И тебе повезет, если Леру не считает, что для женичины страшный грех — получать удовольствие, когда исполняет свой долг и зачинает ребенка. Мой тебе совет: если будет больно, добавляй пять капель себе в вино утром и вечером, — сестра сует ей в руку склянку. — Только смотри, чтобы никто не видел! Даже служанка. Донесет. Пока пьешь эти капли, ты не забеременеешь. А если не будет беременности, то первое, о чем спросят у твоего мужа, — была ли у тебя «маленькая смерть». Желание получить наследника заставляет мужчин плевать на запреты церкви и хоть что-то предпринимать, пока ты лежишь на спине.

— Долго вы там будете возиться? — раздается из-за двери раздраженный голос отца.

— Еще немного! — кричит Изо и скептически оглядывает невесту. Маретта не понимает и половины того, что ей говорит сестра, поэтому слова застревают в горле. Та устало машет рукой. — Ладно, храни флакон, после свадьбы всё поймешь. Запомни самое главное:

будет ночью больно — не в первую ночь, конечно, в первую всегда больно, а в другие ночи. Будет больно — пей эти капли. Потом приеду в гости, еще кое-что посоветую. Запомнила?

— Да, — неуверенно отвечает Маретта.

— Всё, идем.

Она опускает на лицо девушки прозрачную вуаль, берет ее за руку и выводит из комнаты.

— Наконец-то! — отец в показной благодарности воздевает руки к небу. — Наверно, учила ее чему-то? — подозрительно смотрит на старшую дочь.

— Вы считаете, я могу научить сестру чему-то плохому? — возмущается Изо.

Отец только ухмыляется и подает руку Маретте. Вместе они покидают дом. Перед помещьем уже ждет мама.

— Я вырвал ее из цепких пальчиков Изо! — гремит де Монфор и передает дочь жене. — Идите уже! Бедолага Пьер приплясывает там от нетерпения!

Отец идет вперед, Маретта с матерью и сестрой за ним.

Невеста невольно вытягивает шею, пытаясь разглядеть будущего мужа. Увидев, к кому подходит отец, буквально впивается в парня глазами.

Поначалу Пьер совсем ей не нравится. Ниже не только Шарля — мужа Изо, но и отца. Голова словно ушла в плечи. Взгляд такой же настороженный, будто опасается, что ему ведьму вместо невесты подсунут. Но котта добротная, с вышивкой, ножны тоже вполне приличные. Волосы слегка вьются. Глаза карие, блестящие. Что ж... могло быть и хуже. У мужа Колетты через глаз шел шрам, так что он кажется кривым. Колетты на свадьбе нет — ей скоро рожать. Интересно, Изо говорила ей то же, что Маретте?

Жених слегка кланяется, протягивает руку и вводит Маретту в приходскую церковь.

Она вышла оттуда Мареттой Леру, хотя и не перестала быть де Монфор. И довольно скоро ей пригодился флакон, врученный сестрой перед свадьбой. Она готова была выполнить супружеский долг и родить наследника, но торопиться с этим точно не стоило.

Следующим утром всё в конюшне зашевелилось, будто одновременно все обитатели постоянного двора собрались уезжать. Маретта следила, как седлали лошадей, и переминалась с ноги на ногу. Что сделает Годфри? Он вряд ли задержится здесь надолго, не в его интересах. Но поедет ли он с этими паломниками или предпочтет путешествовать в одиночестве? Маретта предпочла бы первое. Перемещаться с другими людьми, особенно с церковниками, это значит вовремя есть и не самую плохую пищу, ночевать в тепле. Впрочем, о чем это она? Ее пища — сено и овес. Но даже и просто отдых в конюшне, а не в сырой разбитой хижине, а то и вовсе под открытым небом — это тоже очень много. Там хотя бы отдыхали уставшие ноги и стертая спина.

Она смотрела на вход уже с надеждой и, когда заметила Годфри, покорно опустила голову. Однако он ей не доверял. Подходил осторожно и цедил слова так, чтобы она его слышала, а все остальные могли различить только шипение:

— Угомонилась? Нам надо отправиться с ними до аббатства Святого Катберта. Там переночуем и отправимся в Нортбридж. Чем быстрее мы покинем Королевство, тем лучше. Дашь себя оседлать?

Она стояла не шевелясь. Годфри осторожно шагнул ближе, затем положил попону на спину, следом седло. Затянул подпругу. Потянулся и ласково коснулся морды. Он словно и сам не ожидал подобных нежностей, оттого смутился, когда она дернула головой, отворачиваясь. Нарочито быстро подвесил дорожные сумки, вскочил в седло. Они отправились с паломниками. Вместе с остальными — их было семеро — выехали за ворота.

Даже путь по городу выдавал внутреннюю иерархию каравана. Впереди ехал монах ордена Клинка — его собрат завершал кавалькаду. Это основные защитники, и выделялись они не только разнообразием оружия — у обоих были меч, кинжалы, щит, дротик. У одного

к седлу был приторочен боевой топорик, у другого — клевец. Под белым орденским сюрко виднелась не полноценная броня — она была бы неуместна в столь коротком пути, — а облегченный кожаный доспех с вшитыми металлическими пластинами, характерный для монахов и послушников ордена воинов.

За ведущим Клинком следовал монах ордена Посоха со своим послушником. Эти тоже умели сражаться, но предпочитали договариваться или убегать. Их узнавали по притороченным к седлу посохам. Говорили, что у них есть и другое оружие, в основном небольшое, но смертоносное, а самое главное — невидимое. Пока монах его не применит, ты о нем и не узнаешь. Другая пара из ордена Посоха ехала за ней с Годфри.

Священник и ее мучитель были ядром группы, которое прикрывали остальные. Когда церковники встретятся у городских ворот с другими путешественниками, ядро останется тем же, только монахи ордена Клинка переместятся в начало и конец каравана.

Годфри здесь не менее уважаем, чем священник. Всё дело в том, что в ордене Силы состояли только маги, и у них особые условия. Только им среди всех служителей церкви разрешалось создавать семьи. Таким образом церковь надеялась получить больше магов, ведь нередко этот дар наследовался. Поэтому, с одной стороны, их называли послушниками, так как священниками они стать не могли. А с другой стороны, они могли свободно перемещаться по стране без наставников, в отличие от послушников других орденов. Магов берегли, оказывали им почтение гораздо большее, чем любому другому монаху. Разве что епископ их выше, но и то не всегда.

Остальная часть каравана ожидала их за городскими воротами. Компания собралась разношерстная. Даже бегло окинув их взглядом, она заметила и крестьян, и ремесленников с самым разным достатком — это в первую очередь было заметно по лошадям. Бывшие солдаты выделялись среди остальных увечьями. Сейчас это чаще всего единственный способ уйти с войны — потерять руку или ногу в сражении. Один из паломников ехал, скривившись набок. Молодых людей среди странников было не больше пяти. Все они сопровождали кого-то более взрослого, только один ехал обособленно, ни с кем не разговаривая.

Вскоре она поняла, что старший каравана — монах лет сорока, ехавший перед ними. Он то и дело отправлял вперед послушника с поручениями. Слушались его беспрекословно.

Процессия растянулась по дороге. Путешествие предстояло легкое. Не самое большое паломничество — без телег, запасов еды, всего лишь однодневный путь. Весь день в седле ехать непросто, но было бы намного хуже, если бы это растянулось на несколько дней, да еще пришлось подгонять лошадей, то и дело переводя их в галоп.

Дорога нырнула в сосновый бор, солнце скрылось за высокими корабельными соснами, сразу стало еще более мрачно. Она снова месила грязь на тракте, только теперь никуда не торопилась, а Годфри, в свою очередь, не рвал ей рот удилами и не бил каблуками в живот. Вокруг клубился туман, но в Пайнхолте он привычен. Это солнце здесь редкость, поэтому изумляло.

Но сегодня сюрпризов нет. Она монотонно вдавливала копыта в жижу вместе с другими лошадьми, уже не обращая ни на что внимания, отключаясь даже от звуков, вновь ощущая себя деревянной телегой.

Из этого состояния ее вырвал спокойный, но властный голос Годфри:

— Не трожь!

Послушник из ордена Посоха подъехал очень близко. Хотел прикоснуться? Парень лет двадцати обиженно поджал губы:

— Красивая лошадка, как ее зовут?

Кажется, вопрос поставил Годфри в тупик. Он никак не ожидал, что придется кому-то представлять лошадей. Вскоре прозвучал недружелюбный голос:

— Что тебе до этого?

На голос обернулся монах, тот самый, что вел караван. В глазах мягкий укор.

— К чему оскорблять дорогу пустыми ссорами? Разве мой послушник чем-то обидел тебя?

Снова долгая пауза. Годфри явно собирался с мыслями, отыскивая верный тон и правильные слова, которые угасят конфликт.

— Мар молода, это первое ее путешествие, — буркнул он сердито, но без вызова. — Она и так беспокоится. Мне бы не хотелось тревожить ее еще больше.

— Не думал, что можно потревожить лошадь лаской, — заметил старший каравана, но тут же смягчился, добавив примирительно: — Впрочем, вы лучше знаете свою лошадь.

И снова чавканье грязи, монотонный говор, в котором теперь она различала то чьи-то молитвы, то негромкий богословский спор, то историю жизни.

В сознание ворвалась фраза, и боль, притихшая было, снова поднялась:

— ...Я, конечно, считаю, что Бог ее наказал, но священник велел совершить паломничество и покаяться. Зачем спорить?

Мысли недолго крутились вокруг услышанного. Что именно имелось в виду — болезнь, побои или просто смерть, о которой не принято спрашивать, — так и осталось неясным. С ее мучениями это всё равно не сравнить. Это ведь случилось с крестьянкой. Такие ближе к скотам, чем к людям.

Ветер унес чужие слова, оставив только жажду. Когда уже будет привал?

Наконец у развилки они свернули направо. И тут же туман, будто чтобы придать сил лошадям, чуть раздвинулся. Она ощутила запах жилья, дыма. Всадники перешли на рысь, и на этот раз бежалось легче, потому что впереди ждал отдых.

Сосны расступились, открывая небольшой замок, окруженный крестьянскими домами. Ворота распахнули — их ждали.

На замковом дворе уже стояли столы. Конюхи подскочили к лошадям — для животных приготовили поилки и сено чуть в стороне. Годфри лишь чуть помедлил, но позволил увести ее. Видимо, счел, что, если не отдаст лошадь, его действия точно вызовут подозрения.

А что, если разговор о ней монах и послушник не просто так затеяли? Что, если на постоялом дворе, где они ночевали, кто-то действительно обратил внимание: спокойная лошадь пыталась избить хозяина и всячески ему противилась. Или служба кому-то рассказал об этом. И теперь люди церкви аккуратно выясняли причину...

Она старательно угасила надежду. Кому в этом мире есть дело до лошади? На ней нет клейма, значит, доказать, что Годфри ее украл, невозможно. До всего остального никому нет дела, даже если маг решит убить ее на глазах у всего каравана. Самое большее — он услышит кроткий упрек.

К столам, приготовленным для гостей, вышел хозяин замка. Подошел под благословение священника, а затем отсел вместе с ним и старшим каравана за отдельный стол. Аристократ не ел, только спрашивал о чем-то путников.

Маретта облегченно выдохнула, когда сняли седло, обработали ее ноги. Напилась вдоволь. Рядом фыркали от удовольствия другие лошади, но она то и дело поднимала голову и смотрела в сторону людей. Благо они сидели шагах в десяти.

Заботой о паломниках занималась хозяйка замка: на ней было дорогое платье, можно даже сказать парадное — рукава закрывали ладони до самых ногтей. Странно, что она надела именно его. Пусть женщина и не наливала похлебку сама, только отдавала отрывистые приказания, а слуги суетились, относя то миску, то лепешки путешественникам, но всё же можно было одеться и попроще.

— Агата! — прозвучало громкое, и женщина ощутимо вздрогнула, прежде чем обернуться.

Ее позвал супруг, на лице хозяйки появилась робкая улыбка, движения стали суетливыми, она побежала к столу, где сидел дворянин. Присела, чтобы получить благословение священника, что-то выслушала от мужа и тут же пошла в дом. От быстрого движения волосы у нее колыхнулись, и Маретта увидела на шее...

«Показалось! Показалось!» — твердила она себе. Не могло быть синяка на шее у аристократки. Женщина, пробегая мимо, ухватила платок, и плотнее прикрыла шею. А Маретту заколотила дрожь. Впервые она осознала, что ее ненависть к Годфри, возможно, была напрасной. Она ненавидела за то, что он обманом украл ее, увел оттуда, где она была в безопасности, где могла выйти замуж и стать хозяйкой дома. Но что, если всё обман? Что, если нигде нет безопасности, абсолютно никому нельзя верить, каждый может причинить боль, независимо от того монах он, дворянин или ремесленник?

Эта мысль настолько ужаснула, что Маретта отмахнулась от нее. Нет, не могло этого быть. Не могло. Ей надо сбежать от Годфри, вернуться к брату, там боли не будет. Только следовало тщательно продумать побег.

О чем Годфри говорил утром? Надо покинуть Королевство? Но если он хотел бежать со своей родины, то, куда бы он ни собирался, он пойдет через Домен. А это уже родные места Маретты. Можно выбрать удачный момент и сбежать, как только они пересекут границу...

Она снова глубоко вдохнула, давя нахлынувшую радость. Рано веселиться!

Отдых прошел слишком быстро — Годфри поднялся из-за стола раньше всех. Он был чем-то сильно взволнован. С поклоном подошел к столу, где беседовал дворянин. Старший каравана поднялся, они с Годфри перебросились парой фраз, и послушник ордена Силы сразу направился к ней. Сам оседлал ее, опять произнося слова шепотом только для нее.

— Здесь знают о Хардли. Нам лучше отправиться напрямиком в Нортбридж. Есть дорога через лес. Найдем заброшенную хижину, переночуем там. Оставаться с караваном опасно. В аббатстве могут знать еще больше, тогда уже не скроемся.

Больше всего на свете Маретта не хотела тащиться куда-то по лесной дороге. Неизвестно, смогут ли они найти хижину. А если найдут, то намного ли она будет лучше, чем открытое небо в лесу... Если бы она могла говорить, то сказала бы, что Годфри боится тени.

Но она могла либо воспротивиться Годфри, взбрыкнуть, либо подчиниться.

Маретта выбрала второе. Они покинули гостеприимный замок, когда остальные паломники только поднимались из-за столов.

У Годфри хватило ума не подгонять ее. Идти по лесу в чем-то даже легче: дорогу хорошо видно, неожиданные препятствия — корень дерева или отломившуюся ветку — она легко переступала или обходила; утоптанную землю не взрыли сотнями копыт и ног.

Как только стало темнеть, по земле потекли белые языки тумана, и она испугалась, что скоро он полностью скроет дорогу, тогда она изранит ноги, не видя, куда ступать. Но Годфри потянул за удила и направил на еле заметную тропку справа. Дорожка вывела к избушке из тонких, кое-где сгнивших стволов. Строили ее без окон, а дверь то ли не успели сделать, то ли кто-то ее снял. Годфри напоминал хищника: как он почуял, что здесь есть хижина? Или опять пользовался магией?

Маг поднялся на стременах, разглядывая убежище. Затем соскочил и осторожно заглянул внутрь. Повернулся к ней:

— Там тесно, однако я думаю, это лучше, чем ночевать под открытым небом. Но смотри сама, заставлять не буду.

Он первым шагнул внутрь. Маретта, помедлив всего мгновение, протиснулась за ним.

Не хуже, чем в стойле. Разве только потолок ниже. Годфри прав: лучше так, чем на улице. Она подождала, пока маг снимет седло, опустила голову и прикрыла глаза.

Глава 4. Чей-то

Объедок и сам не знал, как дожил до пятнадцати лет. Взрослые в таком случае говорили: «По милости Божьей». Он не знал, что такое «милость», поэтому для себя переводил эту фразу так: «Бог еще не наигрался».

Когда Годфри слышал такие слова, вспоминал развлечение, которое сам придумал одним летом: ловишь муху, отрываешь ей одно крыло, смотришь, как она смешно прыгает, пытаешься взлететь. Затем отрываешь противоположное. Когда крылья заканчивались, шла более тонкая работа: шесть ножек по очереди. Последней отрывалась голова. Вот примерно это Господь делал с ним.

Он пережил грудную горячку — лежал на полу в доме возле остывшего очага и метался в бреду. Никто не топил, потому что рядом, в двух шагах точно так же горячечно бредил отец. Через три дня Годфри очнулся, а отец нет. Почему? Кто знает...

Он не знал, почему умерла мать. Пока рос видел немало смертей и тоже не понимал их причины.

Умерла Лиз, то ли от страшной болезни, из-за которой у красавицы отвалился нос, то ли от голода — когда Годфри видел ее в последний раз, она со звериным рыком кидалась на прохожих.

Умерла женщина, купавшая ребенка, то ли от горя — малыш умер месяцем раньше, то ли от побоев мужа — соседка что-то такое сказала, когда ее выносили из дома, то ли от простуды — до смерти она лежала несколько дней.

С его матерью произошло что-то подобное, но точную причину он никогда не узнает.

Так же, как и о том, почему умер отец. В минуты просветления Годфри слышал, как тот стонал и невнятно бормотал проклятия, а когда из дома выносили тело, увидел на губах запекшуюся кровь. На месте его постели осталось вонючее темное пятно, будто он мочился с кровью. Может, его избили, может, это была болезнь, которую усугубила простуда. Никто и никогда не расскажет Годфри об этом. Никому не было до этого дела.

Но похоронили его по-человечески. Объедка там не было, он не дошел бы после болезни, но кто-то из соседей объяснил, что на отпевание отцу скинулись, а потом устроили морские похороны — бросили спеленатое тело в воду, привязав к ногам камень. Бывало и хуже.

Годфри выжил, но в груди поселился холодный комок, который пытался вылезти наружу, стоило пробежаться или даже чуть быстрее пройти. Объедок задыхался и кашлял так, что, казалось, желудок через горло выворачивался. Поэтому он не устроился грузчиком, как мечтал когда-то, и по-прежнему с завистью смотрел на своих ровесников, которые, хоть и за гроши, но всё же находили работу в порту. Ему поручали дело только «по милости», и по-прежнему иногда в качестве оплаты была пустая похлебка, а иногда побои.

И, конечно, он крал. Иначе не выжил бы. Холодный ком в груди мешал уворачиваться и убегать, приходилось быть хитрым, наблюдательным, по много раз всё перепроверять, вычислять каждое движение свое и чужое. Улыбаться, распахивая глаза, — люди от этого чуть расслаблялись. Жалобно канючить, пуская слезы, — иногда благодаря этому били не так сильно. Кланяться униженно, называя всех господами, — от этого на лицах появлялось выражение, говорившее: «Ты мошенник, но говоришь приятные вещи, и я, так и быть, позволю тебе взять огрызок».

Он всё еще промышлял на рынке и за рынком. В местной банде народу поубавилось: одних клеймили за воровство, и они исчезли из города, другие умерли. Теперь появилась новая гольтьба, которую Годфри, хоть и бывший на нижней ступени в банде, но тоже гонял. Тут по-другому никак: если не прогонишь лишний рот, значит, тебе меньше достанется. Он выжил, поэтому имеет право на рынок, а этим голопузым еще надо доказать, что Господь и к ним проявил милость.

Одним из любимых мест Годфри оставалась лавка булочника. Не было дня, чтобы он не приходил сюда. Стоял шагах в пяти и смотрел во все глаза на богатство, которое выкладывали

на прилавок: выпечка круглая, витая, похожая на подкову и на тонкий серп луны, огромные круглые солнца хлебных буханок и маленькие, с детскую ладошку, пирожки с начинкой. Всё это умопомрачительно пахло, и Годфри знал, что никогда не купит даже самый маленький хлебец, похожий на круглый камень у моря, но желтый и мягкий.

Не купит. Но, может быть, украдет? Годфри не упустит свой шанс. Он будет караулить день за днем, чтобы схватить сокровище, поднести к носу, вдохнуть одуряющий запах и проглотить так быстро, как только сможет. Насладиться каждым кусочком никто не даст. Такое вырвут даже из рта, если не проглотить достаточно быстро. Надежда лишь на то, что удастся понюхать не издали, а вблизи, запомнить запах, который не отдает рыбой, гнилью и испражнениями.

Сегодня он тоже совершал стояние у лавки, когда заметил послушника ордена Силы. Годфри мало что знал о церкви, но отличал священника от монаха. А про таких послушников в коричневых балахонах ему рассказывали, что это особые церковники — маги. И они могут... всё! Превратить камень в хлеб или кусок золота, а обидчика в крысу или даже муху. Швырнуть неугасимый зеленый огонь и выпить море. Вылечить любую болезнь и убить город смертоносным ветром. Действительно всё!

Этот послушник был стар — голова седая, но волос много, целая грива. Он вышагивал по рынку так, словно весь мир ему принадлежал, а люди почтительно склонялись, норовили сунуть ему что-нибудь и, если он обращал на них величественное внимание, так суетились, будто сам граф их приметил.

Годфри по опыту знал: именно такие происшествия дают идеальную возможность для воровства, поэтому всмотрелся еще напряженнее. Настал тот самый день...

Старик-маг остановился у лавки булочника, и к нему бросились сразу и хозяин, и здоровый парень — его ученик. Обедок подобрался поближе. Владельцы хлебных сокровищ так кружились возле послушника, точно он был зимним чучелом, перед которым жители портового квартала в начале весны выплясывали пьяные танцы, перед тем как утопить в море. Обедок сделал еще пару шагов.

Маг заказал целый мешок хлеба. Зачем ему столько? Неужели всё съест сам? Или у него есть отряд стражи, который нужно накормить? А может, так: возьмет мешок с едой и будет кормить солдат целый год — поколдует, и хлеб никогда не закончится...

Нужно выбрать момент. Обедок приблизился еще на шаг. Когда послушник станет плачиваться, хватать булку будет уже поздно. Сейчас!

Он рыбкой нырнул под руку ученику булочника, схватил пирожок и...

Не успел! Цепкие пальцы впились в плечо так, что Годфри почувствовал хруст, и он взвыл. Парень заорал:

— Стража!

Зачем стража? Это всего лишь булка, он даже съесть ее не успел. Забирайте, если хотите. Если надо — он отработает. Не надо звать стражу!

Он это не думал, он это вопил сквозь слезы, крича одновременно и от ужаса, и от боли — после каждой попытки вырваться плечо стискивали еще сильнее, и наконец Годфри замер, мысленно попрощавшись с рукой.

— Что здесь происходит?

Городская стража очень похожа на ту, что приходила к старому Бену. Наверняка это другие — столько лет прошло, но для Обедка они все на одно лицо, он запоминал только форму: та же солдатская туника поверх кольчуги, та же алебарда у одного и дубинка у другого, те же сытые морды. И называли их так же — господа.

— Господа! Мы поймали вора, — торжественно провозгласил булочник, а его ученик злорадно ухмыльнулся.

— Славно, — один из стражей ощерился в ответ и ловко перехватил Годфри. — В тюрьму до утра, а завтра клеймим вместе с остальными, — объявил он то ли Обьедку, то ли всем остальным зрителям.

Накинул петлю на шею Годфри. Сердце обдало ледяным холодом, руки и ноги онемели. От ужаса даже слезы высохли. Он видел клеймёных. Таким лучше не показываться ни в Верхнем, ни в Нижнем городе. Всюду их будут встречать только ударами, причем руками предпочтут не дотрагиваться. Многие в портовом квартале воровали, но, если на тебе клеймо, значит, ты попался, милость Господа для тебя закончилась. Теперь тебе нельзя находиться среди порядочных людей.

А куда идти? Где находят пристанище такие?

Стражник дернул за веревку, она тут же сдавила горло, воздуха не хватало, Годфри вытаращил глаза и захрипел.

— Ну-ну! Хватит придураться. Идем за мной! — строго сказал тот, что с дубинкой.

Обьедок вцепился в веревку и кое-как оттянул ее, чтобы вдохнуть полной грудью.

— Отдайте его мне, — раздался спокойный властный голос.

К послушнику повернулись сразу все: и Годфри, и стража, и булочник с учеником, и народ, остановившийся поглазеть на это зрелище — не так часто ловили воров на рынке.

— Я бы с радостью, уважаемый, — поклонился тот, что с алебардой, — но сами понимаете, он вор и должен быть наказан...

Годфри знал этот тон. Его, конечно, отдадут послушнику, но сначала стрясут с того звенящий кошель. А разве послушник на такое пойдет? Кто захочет платить деньги за этот тощий, вонючий и больной огрызок?

— Сколько? — глаза послушника сузились, а стражник отвел взгляд и переступил с ноги на ногу.

Такие вещи прилюдно не обсуждались. Нужно отвести стража в сторону, договориться потихоньку, сунуть монету, взять веревку. Годфри уже наблюдал подобное. А теперь уже никак нельзя отдать преступника. Узнают про это — прогонят с хорошего места.

— Что вы, как можно... — пробурчал страж, раздраженный такой непонятливостью. — Мой долг...

— Ваш долг — наказать его, — губы величественного старика искривились в усмешке. — Что ж, отдайте его мне. Я сам его накажу. Закон это разрешает.

Стражник недолго поколебался, а потом вручил веревку послушнику, но тут его осенила идея:

— А веревка? Денег стоит. С меня за нее спросят!

— Пришлю со своим слугой, как только доберусь до дома.

— Но...

— Вы мне не верите?

Стражник упустил шанс получить монету хотя бы в благодарность за сговорчивость, и вместе с напарником уныло ушел, что-то бормоча под нос.

Старик обмотал конец веревки вокруг запястья, затем расплатился с булочником, и ему передали сумку с хлебом. Они шли с рынка, провожаемые заинтересованными взглядами и вздохами.

— В пса превратит, — послышался чей-то авторитетный голос. — Или в кота, чтобы крыс ловил, попомните мое слово.

Годфри это не испугало. Видимо, весь ужас он пережил, когда услышал, что его клеймят. Всё остальное как будто не так страшно.

Они зашли на постоялый двор. Мальчик-слуга в сером балахоне послушника посмотрел на мага, на Обьедку и, несколько не боясь, спросил:

— Где вы эдакое чудо взяли, мастер Алларик?

— На рынке, где же еще, — улыбнулся послушник. — На вот, выбирай угощение.

Мальчик выудил из сумки пирожок и тут же начал жевать, всё так же глядя на Годфри.

— А на что он вам? — наконец поинтересовался с любопытством.

— Посмотрим, — Алларик пожал плечами, затем полез в кошель и бросил слуге монетку.

— Найди-ка ему одежду по размеру и приготовь теплую воду.

Тот понятиливо кивнул и исчез с пирожком в руке. Мастер Алларик повел Обьедка к скамье возле дома, сел на нее. Теперь перед лицом Годфри смеющиеся голубые глаза. Очень добрые, но Обьедок не обольщался. Если он что и усвоил за пятнадцать лет жизни, так это то, что по лицу человека никогда не угадаешь, задумал он тебя убить или налить тебе похлебки.

— Давай знакомиться, — заговорил послушник. — Меня, как ты уже понял, зовут мастер Алларик. А ты?..

Годфри прочистил горло:

— Обьедок.

Послушник посерьезнел.

— Мама не могла дать тебе такое имя. Как она звала тебя?

— Годфри Морн, — сообщил он после паузы.

Выглядело это так, будто он вспоминал.

— Отлично, Годфри. Теперь ты принадлежишь мне. Это значит, я тебя одеваю, кормлю, учу и даю работу. Если ты меня слушаешься, тебе будет хорошо. Если попробуешь обокрасть меня, обмануть или будешь лениться, я тебя накажу. Мне не нравится использовать розги, но, если потребуется, я применю их, не задумываясь. Ты меня понял?

Обьедок затравленно кивнул.

— Отлично. Сейчас ты искупаешься, переоденешься и поешь. Путешествовать с тобой в таком виде слишком большое испытание для меня.

После этого начались превращения. Грязные обноски, которые носил Годфри, были безжалостно выброшены. Его оставили голого в тазу, приказав тщательно вымыться и долго не задерживаться. Рядом лежала мягкая ткань и серая церковная одежда.

Позже Алларик вызвал старуху, она безжалостно обкорнала волосы, намазала чем-то вонючим, а потом смыла эту гадость. Годфри посчитал это наказанием за то, что плохо отмыл руки, поэтому хоть и орал, но не обижался. Когда старуха ушла, стал тереть себя с новой силой. Однако хозяина результат устроил только после третьего раза, когда ему снова сменили воду, и он провел в тазу еще довольно много времени, яростно скобля тело.

После этого ему налили похлебки, от которой так одуряюще пахло мясом, что он хлопнулся в обморок. Очнувшись на скамье, над ним склонился Алларик и лицо у него было такое злое, что он непроизвольно закрылся рукой, ожидая удара. Но удара не последовало. Вместо этого ему дали чашку с бульоном и пирожок. От такого пиршества у Годфри потекли слезы, и он долго не мог глотнуть, сотрясаясь от рыданий.

Потом была настоящая постель. Он в первый раз видел матрас и льняные простыни. Подушку. Не понимал, как можно спать на такой красоте и норовил улечься на полу возле камина.

Алларик пригрозил наказанием, чтобы Годфри послушался. Но как только старик уснул на соседней кровати, Обьедок все-таки перелег на пол и, засыпая, смотрел в огонь и думал, что это очередной болезненный бред. Наверно, он лежал где-нибудь в тюрьме со сломанным плечом и клеймом на щеке, и ему в горячке виделись прекрасные видения.

Последнее, что он вспомнил, прежде чем уснуть, были слова послушника: «Теперь ты принадлежишь мне». Интересно, каково это — быть чьим-то?

Глава 5. Страх

Ночью она почуяла волков. Они подошли к хижине очень близко. Перед тем как уснуть, Годфри развернул ее лицом к выходу, чтобы завтра легче было выбраться. Теперь она видела

их отсвечивающие лунным светом глаза в тумане. Это было жутко. Тени небольших тел, угрожающее рычание и глаза.

Она заржала сначала тревожно, потом жалобно. Переступила копытами. Не сразу поняла, что разбудила Годфри. Он вообще спал очень чутко, всегда настороже. Но страх словно лишил ее разума.

Успокоилась, только когда жесткая теплая рука легла на морду:

— Всё, всё, не бойся. Я рядом. Я их прогнал.

Маретта тяжело дышала, вздрагивая всем телом, но уже чувала: волков нет. Они действительно ушли. Все-таки хорошо быть магом, даже таким слабеньким, как Годфри.

И тут же накрыл другой ужас. *Она почуяла волков.* Почуяла до того, как они подошли близко, до того, как увидела их глаза. Это значит... изменения необратимы? Так будет всегда? Это несправедливо!

Крупные слезы потекли из глаз. Она опустила голову так низко, что в ноздри ударил запах сырой земли, сгнившей травы. И Маретта снова испуганно дернулась: раньше она этого не ощущала, а теперь...

— Пожалуйста, успокойся! — в голосе Годфри послышались нотки раздражения. — Нам ничего не угрожает. Дай поспать еще немного! И сама поспи. Впереди день пути!

«Тебе ничего не угрожает, — хотелось крикнуть ей. — Тебе!»

Слезы всё никак не останавливались, стекали по морде, она хватала ртом воздух.

— Если ты не уговонишься, — Годфри еще более посуровел, — мне придется тебя ударить. Ты этого добиваешься?

Маретта замерла. Нет, еще большей боли она не хотела. Ее и так слишком много. Слишком. Разве она заслужила это?

— *Что? Что он написал?*

Маретта не умела писать, а читала с трудом, и то только минускул в молитвеннике. Обычное дело для девочек. Говорят, в монастырях женщин тоже обучают письму, так они могут совершать благое дело для Господа: переписывать священные тексты и труды отцов церкви. Но если девушку выдают замуж, знать грамоту ей ни к чему. Ее дело — распорядиться слугами и рожать детей. Кто мог знать, что Маретта окажется пленницей в чужой земле, полностью зависящей от этого послушника? Она не может проверить, правильно ли Годфри записывает ее слова. Она не может прочитать, что отвечает ей брат. Только ждет, когда послушник сообщит известия из Домена.

Переписка ведется по церковным каналам. Монахов не трогают независимо от того, в какой стране они родились. Месяц назад она написала Жоффруа письмо. Он ее единственная надежда. Он служит барону, вассалу его светлости. Брат что-нибудь придумает, чтобы спасти ее. Он де Монфор, их семья не бросает своих в беде.

Разве Маретта виновата, что ее муж убит при осаде замка, что отец слишком беден, чтобы заплатить за нее? Разве виновата, что надежда остается только на Жоффруа? Разве она заслужила навсегда остаться в плену?

А в сердце эхом звучит: «Заслужила... заслужила...»

Она-то не родила мужу наследников. Послушалась сестру. Думала, еще успеет, ей ведь всего восемнадцать. Обманывала священника на исповеди. Не признавалась в том, что принимает капли, только всё твердила, что никак не поймет, что такое «маленькая смерть», надеясь, что тот поговорит об этом с Пьером. Вдруг пришло возмездие за это?

Нет, нет. Бог милосерден. Маретта, как только была свободна, шла в домовую церковь семейства Хардли. Это ведь неважно, что ее построил английский рыцарь. Бог всеведущий, Он услышит ее, увидит, как она раскаивается. Она никогда больше не будет так делать, только пусть ее вернут домой. Маретта даже на монастырь согласна, чтобы до конца жизни каяться в своем преступлении. Только чтобы ее вернули в Домен. Домой.

Все эти мысли вихрем проносятся в голове, пока Годфри сосредоточенно читает письмо брата, чуть шевеля губами. Он словно специально мучит Маретту.

— Что?! — вновь отчаянно восклицает она и едва удерживается, чтобы не тряхнуть немногословного старика — ему тридцать семь, еще не совсем старик, но эта борода, угрюмый взгляд из-под бровей, не позволяют Маретте назвать его никак иначе.

Годфри смотрит пристально, а потом читает вслух:

— Моя драгоценная сестра! Господь послал тебе тяжелые испытания, и я скорблю вместе с тобой. В Сент-Шапель я заказал службу о твоём спасении, и сам молюсь утром и вечером о том, чтобы Господь простил твои грехи и избавил от позора плена. Пусть святая Маргарита, твоя покровительница, будет тебе утешительницей и защитницей. Я обратился за помощью к старшей сестре Аньес, но, к сожалению, у ее семьи нет возможности помочь тебе. Также я подал прошение об аудиенции у Герцога. Будем неустанно просить милосердного Господа нашего вступить за тебя и спасти, но будем смирять сердца в молитве, готовясь принять Его волю. Подвижники веры отдавали свои жизни в мучениях, но сохраняли верность Господу. Пусть Его ангелы укрепят тебя, чтобы ты тоже проявила твердость перед лицом испытаний и мы могли встретиться перед престолом Его...

— Что? Что это значит? — Маретта всё поняла, но не хотела верить в услышанное. — Что он хочет сказать? — голос ее осип, губы дрожали. Она едва сдерживала слезы.

— Думаю, это значит, госпожа Леру, что ваш брат делает всё, что может, а может он немного. Остается надеяться на помощь свыше.

— И приготовить сердце к смирению перед мучениями и смертью? Да? Да?

Она все-таки заплакала. Годфри задумчиво изучал ее, держа перед собой листок, даже не пытаясь утешить.

Маретта достала льняной платок без вышивки, даже не подрубленный, большие напоминающий кусок старой тряпки, промокнула слезы и выпрямилась, глядя в узкое окошко, похожее на бойницу. Сквозь него пробрался луч света, и ей казалось, что это то самое послание свыше: всё будет хорошо. Ты не одна.

Между тем Годфри поднялся и отправился к двери. Но не вышел. Замер, будто решаясь на что-то, а потом сделал движение рукой, словно перекрестил дверь сверху вниз, справа налево, а затем еще и от одного угла к другому. После этого вернулся на стул и впери в нее взгляд темных глаз.

— Вы же понимаете, госпожа Маретта, что, как бы ни любил вас брат, у него нет возможности вам помочь.

— Всё в руках Господа, — пролепетала она, стараясь взять себя в руки.

— Да. Но в народе есть и другая поговорка. Господь помогает тем, кто сам себе помогает.

Послушник снова впился в нее глазами, будто хотел узнать, о чем она думает. Но Маретта ни о чем не думала. Мысль была новая — она не так много общалась с теми, кого Годфри назвал народом. К чему клонил послушник?

Тот выдержал долгую паузу, а затем продолжил.

— Какие у вас шансы вернуться домой, госпожа? Давайте оценим их здраво. Первый шанс — ваша сестра, которая, насколько я понял, очень удачно вышла замуж, потому что у семьи де Монфор тогда было больше денег, и ваш отец собрал приличное приданое. Она могла бы найти средства, чтобы выкупить вас у Хардли. Но насколько я опять же понял из ваших слов и письма вашего брата, вы давно не общаетесь, помочь вам она отказалась.

Он выжидательно посмотрел, и Маретта робко кивнула, подтверждая сказанное. Аньес действительно прекратила всякое общение с ними, как только вышла замуж. Маретта даже не видела ее ни разу. Изо рассказывала, что, когда была при дворе, Аньес лишь кивнула

издали, и, если бы брат не шепнул на ухо, кто эта богатая дама, она бы и не узнала, что это ее родная сестра. Изю была мала, когда Аньес покинула дом, и совсем ее не помнила.

— Второй шанс — Жоффруа де Монфор получит аудиенцию у его светлости. Тот проникнется к вам сочувствием и заплатит выкуп. Вы верите в это?

— Да, наш герцог очень милосерден. Он не оставит свою верную подданную...

— Было бы почти святотатством сомневаться в милосердии и щедрости его светлости, — перебил Годфри с легкой усмешкой. — Но подумайте: Домен и Королевство воюют уже больше двадцати лет. Как вы думаете, насколько часто к нему обращались с подобной просьбой за это время? Сколько подданных Домена оказывались пленниками? И если перед герцогом встанет вопрос: выкупить вас или выкупить рыцаря, который снова пойдет в бой, — то за кого он охотнее заплатит? Золото — ресурс не бесконечный. Его надо откуда-то брать. На всех не хватит.

Аргументы были очень убедительны. Маретта вновь задрожала. Сколько еще ее будет мучить этот послушник? Зачем он говорит всё это? А он молчит и смотрит, будто хочет понять: усвоила Маретта то, что он сказал? не будет ли спорить?

— Ваш брат наверняка попробует и еще один вариант: найти для вас дворянина, который захочет взять вас замуж. Жених мог бы выволить вас из плена. Но давайте будем честны: насколько велики ваши шансы? Вы молоды, но у вас нет приданого, напротив, нужно заплатить выкуп. К тому же вы были замужем два года, но детей у вас нет. А женятся, как правило, именно для того, чтобы получить наследника. У вероятного кандидата могут возникнуть сомнения, исполните ли вы свой долг. И...

Годфри умолк, но так многозначительно посмотрел на Маретту, что она вспыхнула. Да, не стоит рассчитывать на то, что кто-то будет восхищен ее внешностью и захочет жениться просто потому, что влюбится, как это случилось с Еленой Троянской.

По лицу Маретты прошла судорога, она в очередной раз пыталась сдержать слезы. Но она не будет ничего спрашивать у послушника. Не будет! Он же не мог затеять этот разговор лишь для того, чтобы унижить и причинить боль? Он что-то хочет сказать...

Она победила. Годфри тоже был взволнован и чуть подрагивал. Ноздри его раздувались. Он вскочил, сделал несколько шагов к окну, затем к двери и снова к окну. Постоял в солнечном луче, заложив руки за спину. Быстро сел и наклонился ближе.

— Мне очень вас жаль, госпожа Маретта. И я очень хочу вам помочь. Ваш единственный шанс, если мы напишем брату так...

Она вздрогнула от прикосновения и открыла глаза. За проемом двери посветлело. Пора отправляться в путь?

Годфри подтвердил ее догадку:

— Нам пора. К вечеру надо быть в Нортбридже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.